

— ***Можно ли быть поэтом, писать стихи и не страдать?***

— Думаю, да. Я писала стихи и в периоды, когда у меня было все хорошо. Как раз наоборот, когда все очень плохо, рождаются тексты, слишком зацикленные на собственном «очень плохо». Чтобы писать что-то хорошее, у тебя должно быть ресурса немножко больше, чем на дне. Когда все хорошо, тогда проще с реализацией каких-то сюжетов, абстракций. Я уйду дальше писанины про свою боль.

Вообще, профессия журналиста учит меня быть толстокожей. Я часто нахожусь на острие политической повестки и все пропускаю через себя. Когда только приехала на Донбасс, мне говорили, что со временем это пройдет, с меня весь негатив будет скатываться как с гуся вода. Но я, к сожалению, научилась только вытеснять его из сознания в подсознание, и иногда он меня оттуда все-таки достает. Такое случилось, например, когда я увидела разбитый дом и тапочек убитой старушки, весь в крови. Старушку уже увезли, а тапочек на пороге этого дома все еще лежал. В этот момент, когда я увидела этот тапочек, у меня вся плотина рухнула и... потом была и психиатрическая клиника, диагнозы невротического толка.

— ***А сейчас продолжаете распаковываться то, что ты увидела за три года?***

— Иногда. Редко. Я все-таки очень стараюсь погрузиться в нормальную человеческую жизнь. Но я же продолжаю туда ездить, поэтому какая это нормальная человеческая жизнь? Я не люблю, когда все это вылезает, все-таки это очень больно. И стихи все обостряют, потому что для того, чтобы написать текст, мне нужно полностью погрузиться в переживание.

— ***В каких ты отношениях с поэзией?***

— Для меня стихи — это способ общения с людьми, вот такое утилитарное применение поэзии. В разговоре проговаривается намного больше, чем когда я сама сижу и думаю, мне обычно надо думать «об кого-то». По моим стихам можно намного лучше понять, что во мне происходит, чем по мне лично. Совершенно точно, что для меня это часть какого-то большого диалога.

Еще благодаря творчеству я вернулась в христианство. У меня был долгий период всяческих исканий, я была очень обижена, ушла в глухую оборону, но в какой-то момент посмотрела на то, что я пишу, и поняла, что надо хоть как-то, но возвращаться.

— ***Как на тебя влияют поэтические достижения?***

— В литературном процессе я чувствую себя, скорее, изгоем. Это задевает, но это не трагедия всей жизни. Вообще я решила во все это поиграть, когда поругалась с какой-то девочкой-поэтессой в Интернете. Речь шла не о поэзии, но она мне внезапно предъявила, что мол, «я — поэтесса с кучей публикаций, а ты кто?». А я сижу и понимаю, что, с моей точки зрения, я намного более успешна: у меня концерты, на которые приходят люди, куча подписчиков, но вот да — этой штуки с публикациями и премиями у меня нет. И я

решила поучаствовать во всем этом, получить несколько дипломов, чтобы никто больше не мог в меня этим тыкать.

— **Но тебе это что-то дает?**

— Мне книгу сейчас печатают, это спецприз от Гумилевского конкурса, например. Приятно, но, по сути, мне кажется, все эти конкурсы — это банальное удовлетворение ЧСВ (чувство собственного величия. — *Ред.*), кроме тех, за которые люди получают деньги, это уже практическая польза (смеется).

— **У кого ты учишься?**

— У меня постоянно меняются примеры для подражания. Я надеюсь, что не падаю совсем в эпигонство, не могу упасть, потому что у меня есть свой очень глупый поэтический голос. Глупый, зато своеобразный. Сейчас мой кумир — это Татьяна Вольская, которая умеет делать из простых слов что-то невероятно тонкое и надрывное. Я раньше не знала, что можно такое сделать простыми словами и ритмами.

— **А как именно у тебя этот процесс обучения происходит?**

— Я читаю какое-то количество стихов, этим загружаюсь и хожу, варю их какое-то время в голове. В итоге, когда у меня появляется новый текст, в нем можно ощутить определенное влияние чужого творчества. Благодаря влиянию Вольской, например, стали появляться стихи с нормальной ритмикой, что для меня не очень свойственно.

Вообще чужие тексты нужно опускать в сознание осторожно, все-таки это довольно эфемерные, тонкие вещи. И если действительно сильно погрузиться в творчество поэта, есть риск впасть в подражание.

— **Как ты определяешь, хороший у тебя стих получился или нет?**

— Раньше я совершенно не могла это сделать, не опираясь на чужое мнение. Недавно я перечитывала свои старые тексты и обнаружила несколько сильных, которые я считала неликвидными из-за того, что их никто в свое время в Интернете не прокомментировал. Я начинаю учиться опираться на себя, и это непростое. Но, если текст получается однозначно хороший, я могу это сразу понять и оценить, как и откровенно неудачные вещи.

— **У тебя нет страха устареть?**

— Я много пишу про войну, и это совершенно не актуальная повестка среди миллениалов. Но это не то, что я буду менять, я не собираюсь гнаться за модой.

— **Какие у тебя отношения с твоими подписчиками в соцсетях?**

— Отношения у меня с ними статистические. Если какой-то текст набирает много восторгов, я считаю, что он в чем-то удачный. Например, простой для восприятия или описывает какую-то актуальную проблему. Если отзывов мало, я понимаю, что стихотворение, может быть, слишком сложное. Я абсолютно равнодушно отношусь к восторженным комментариям и резко негативным. Откровенно агрессивные я удаляю, а человека баню: если он меня так не любит, то зачем ему ко мне ходить? Другое дело на концертах, когда я развиртуализируюсь с людьми, которые давно меня читают, я согреваюсь очень от этого.

— **У тебя не было такого представления, что поэтом быть стыдно, что стыдно писать стихи?**

— Нет, у меня никогда такого не было, никто меня за это не стыдил, напротив, родители меня всегда во всем очень поддерживали. Правда, на филфак они меня не пустили, я получила образование химика, а стала журналистом.

— **Что насчет соперничества?**

— Пожалуй, у меня включается соперничество, только если сам человек мне неприятен или если его стихи я считаю плохими, а известность его не соответствует уровню текстов. Но вообще соперничество мне несвойственно, я слишком ленивая для этого.

— **Как ты пишешь? Приступами и наскоками или у тебя постоянно идет поток, на который ты реагируешь?**

— Скорее, второе. Необходимость написать текст для меня — это как физиологическое сокращение мышц. Довольно регулярно у меня эта потребность возникает, когда нужно поговорить о чем-то важном. Иногда бывает, что поговорить хочется, а на самом деле не о чем. Так появляются стихи, за которые мне потом стыдно, но в последнее время они все-таки не появляются.